

ПРЕМЬЕРА ОПЕРА

Коммерсантъ - 2006 - 16 мая - с. 22

«Режиссер должен быть дирижером, а дирижер — режиссером»

В берлинской Komische Oper прошла одна из самых громких премьер сезона — «Кавалер роз» Рихарда Штрауса в постановке Андреаса Хомоки. Дирижировал 35-летний Кирилл Петренко, в 2005 году по опросу оперных критиков Германии занявший второе место в номинации «Лучший дирижер», — на первом оказался Пьер Булез. С КИРИЛОМ ПЕТРЕНКО встретился специально для „Ъ“ АЛЕКСЕЙ МОКРОУСОВ.

Ъ Уроженец Омска, Кирилл Петренко еще ребенком оказался в Австрии с отцом-музыкантом, где и учился профессии дирижера. После побед на международных конкурсах возглавил театр в немецком Майнингене. С 2002 года — главный дирижер «Комисе опер», дирижирует в Вене и Флоренции, Дрездене и Барселоне, Париже и Франкфурте.

— В Komische Oper много русской музыки — «Евгений Онегин», «Любовь к трем апельсинам», сейчас выходит «Сказка о золотом петушке»... Это потому, что вы — русский?

— Это скорее случайность, чем концепция. На самом деле одной из наших ниш стала музыка Восточной Европы. Яначеки и Сметана тоже входят в наш репертуар.

— А как же вечные хиты — Верди, например?

— Что такое хит? Успех оперы зависит от успешности постановки. Получилась «Леди Макбет Мценского уезда», и народ повалил на Шостаковича. Хотя критика не всегда объективна: «Леди Макбет» очень ругали, а Штрауса так хвалили, что, на мой взгляд, даже чересчур. Я очень чуток к статьям, даже когда знаю, что это несправедливо. Все-таки мы работали четыре года, сейчас эта работа начала приносить результаты, и это отметили.

— В 27 лет вы стали самым молодым на тот момент генеральным музыкальным директором оперного театра в Германии. Хотя это был Майнинген, небольшой городок, чувствовали какую-то особую ответственность?

— Майнинген — это провинция, там идиллия. Один театр на много километров вокруг, его любят и уважают. Зал полон практически всегда, на «Кольцо нибелунга» критики приезжали издалека. После этого первая премьера в Берлине... Это был просто шок. Вдруг выяснилось, что я «ан-

тимузыкальный дирижер» и Берлин достоин большего, — пережить такую оценку не так уж и просто.

— Вы много выступаете по всему миру. Отличается ли публика в разных странах?

— Практически нет. Может, английская и итальянская более сдержанна, посуше, чем венская или американская.

— То есть вам все равно, где играть?

— Главное, чтобы были условия для работы. А так — хоть в Антарктиде. У нас бывают, к сожалению, спектакли, когда на сцене и в оркестровой яме больше актеров и музыкантов, чем публики в зале. Все равно отдаешься работе в полную силу, и те, кто в зале, им нравится, они аплодируют.

— Некоторые дирижеры, особенно знаменитые, с трудом переваривают современную режиссуру. Например, Риккардо Мути открыто признается, что старается не глядеть на сцену во время дирижирования. А вы всегда смотрите?

— Конечно. Я не могу не смотреть: сцена и музыка, они вместе. Режиссер должен быть дирижером, а дирижер — режиссером. Два уровня, музыкальный и сценический, в опере практически невозможно отделить друг от друга.

— Как, на ваш взгляд, изменилась сегодня функция дирижера, его место и значение по сравнению с прошлым веком?

— Эпоха Тосканини и Караяна закончилась. Дирижер не имеет уже такого авторитета, такого веса, как 50 лет назад, и это даже неплохо. Нет ничего само собой разумеющегося, никто не принимает за чистую монету все, что он сказал. Это заставляет дирижера работать над самим собой. Он уже не Бог, а просто работник искусства, на него не смотрят снизу вверх, поскольку он теперь занимает обычное место в обществе, лишился былой ауры и не всякое его слово принимают отныне на веру. И «бу» ему кричат, сам это слышал.

— И каковы ощущения?

— Привыкать, к счастью, не пришлось... Но в первый раз, когда услышал, было очень неприятно.

— Вас называют мастером на все руки, способным одинаково хорошо дирижировать автором любой эпохи. Правда ли, что в музыке для вас нет границ?

— Не могу сказать, что я дирижирую всем подряд. С удовольствием Чайковским, кое-чем у Рихарда Штрауса, Моцарта — хотя не дирижировал еще тем, что обожаю: «Милосердием Тита» и «Идоменеем». Большая любовь у меня к Вагнеру, Шостаковичу, куда меньше к Прокофьеву и совершенно безразличен я Римскому-Корсакову. А вот «Хованщина» — это что-то удивительное. Никогда не дирижировал музыкой барокко, хотя попробовал бы дирижировать и Генделем, и Перселлом, и Бахом. Но что точно никогда не буду играть, так это Россини, Доницетти, Беллини и других авторов «бельканто» — красиво, но не для меня, не по моим рукам. Для меня слишком поверхностно, хотя кто-то находит это гениальным.

— Знаете о своих планах после Komische Oper?

— Контракт заканчивается в июле 2007 года, и я решил его не продлевать. Хочу побыть фрилансером, немного отдохнуть от ответственности. Восемь лет быть главным дирижером... немного от этого устал. Хочется повнимательнее почитать партитуры.

— А с кем из российских оркестров хотели бы выступить?

— Я открыт для всех предложений. Пока же на 6 декабря намечен концерт в Омске — с оркестром, где мой отец проработал 25 лет.